

Максим Журавлёв

THE ЖИГАЛО

БЕЛУГА

18+

18+

Максим Журавлёв

The Жигало

«Автор»

2026

Журавлёв М. Ю.

The Жигало / М. Ю. Журавлёв — «Автор», 2026

У него нет права на любовь У нее нет выбора . Криминал без правил. И один шанс на двоих. Александр, бывший военный и дипломированный врач, после возвращения к мирной жизни сталкивается с нищетой и отсутствием перспектив. Он соглашается на предложение стать элитным жиголо, полагая, что сможет сохранить себя, продавая лишь иллюзию близости. Однако встреча с Верой, умной и одинокой бизнес-леди, переворачивает его жизнь: впервые он испытывает настоящую любовь. Но прошлое Веры связано с опасным олигархом , который требует от Александра компромат на неё. Герой отказывается предать ее, и теперь ему предстоит противостоять криминальной машине, используя свои армейские навыки. На что он готов пойти, чтобы защитить Веру и их будущее....

© Журавлёв М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Вхождение в роль	9
Глава 2. Маска	13
Глава 3. Тренер	18
Глава 4. Пределы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Максим Журавлёв

The Жигало

Максим Журавлев

**The
Жигало**

Роман

The Жигало

Роман

16.03.2026г.

У него нет права на любовь У нее нет выбора . Криминал без правил. И один шанс на двоих.

Александр, бывший военный и дипломированный врач, после возвращения к мирной жизни сталкивается с нищетой и отсутствием перспектив. Он соглашается на предложение стать элитным жиголо, полагая, что сможет сохранить себя, продавая лишь иллюзию близости. Однако встреча с Верой, умной и одинокой бизнес-леди, переворачивает его жизнь: впервые он испытывает настоящую любовь. Но прошлое Веры связано с опасным олигархом, который требует от Александра компромат на неё. Герой отказывается предать ее, и теперь ему предстоит противостоять криминальной машине. На что он готов пойти, чтобы защитить Веру и их будущее.

*Этот роман я посвящаю той,
чей свет зажигает во мне желание творить.*

Два года. Тысячи километров. Бесконечное количество «несмотря ни на что». Я благодарен судьбе, что мы вместе — даже когда между нами расстояния и время. Твой свет всегда со мной, он даёт мне силы создавать, развиваться, быть собой. Ты — мой тихий берег, моя опора и самый главный читатель. Для меня ценно всё: твоя вера, твоё тепло, твоя искренность. Спасибо, что ты есть.

С любовью и благодарностью!

Роман «THE ЖИГАЛО» является полностью художественным произведением. Все персонажи, события, диалоги и ситуации вымышлены. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, местами, организациями и событиями случайны.

Произведение содержит сцены сексуального характера, описание физического насилия, психологического давления, криминальных разборок и употребления нецензурной лексики. Роман предназначен исключительно для читателей старше 18 лет.

Автор не пропагандирует и не осуждает эскорт-услуги, проституцию или иные формы коммерческих интимных отношений. Профессия главного героя является художественным инструментом для исследования тем одиночества, поиска себя, цены компромиссов и возможности любви в условиях, когда всё продаётся и покупается.

Описание криминальных структур, коррупции, насилия и противоправных действий служит исключительно сюжетным целям и не является инструкцией к действию или оправданием преступлений. Автор осуждает любые формы насилия и противоправной деятельности.

Роман поднимает сложные социальные и философские вопросы:

- Одиночество в современном мегаполисе
- Цена выживания и моральные компромиссы
- Возможность настоящей любви в мире тотальной продажности
- Поиск идентичности после травмирующего опыта (война, потеря близких)
- Отношения между людьми разного возраста и социального статуса

Эти темы исследуются через художественные образы и не являются манифестом или руководством к действию.

Описание медицинских процедур, реабилитации, травм и болезней основано на общедоступных источниках и не является профессиональной медицинской рекомендацией. При любых проблемах со здоровьем необходимо обращаться к квалифицированным специалистам.

Воспоминания главного героя о службе в спецназе и участии в боевых действиях являются художественным вымыслом. Автор выражает уважение к реальным ветеранам и военнослужащим и не претендует на достоверное описание военных операций.

Роман содержит сцены, которые могут вызвать сильные эмоциональные переживания у чувствительных читателей: сцены насилия, смертельной болезни, потерь, психологического давления. Автор рекомендует читателям с неустойчивой психикой воздержаться от чтения или читать произведение в спокойной обстановке с возможностью сделать паузу.

Автор не отождествляет себя с главным героем и не разделяет все его поступки и решения. Персонажи являются сложными, противоречивыми личностями, и их действия служат для исследования человеческой природы, а не для подражания.

Все права на роман принадлежат автору (Максиму Журавлеву). Любое копирование, распространение, публичное исполнение или иное использование произведения без письменного согласия правообладателя запрещено и преследуется по закону.

Прочитав роман, вы соглашаетесь с тем, что:

- осознаёте художественную природу произведения
- понимаете возрастные ограничения
- не будете использовать содержание романа для совершения противоправных действий
- принимаете, что все совпадения с реальностью случайны

Приятного чтения!

Пролог

Он смотрел на свои руки. Ладони лежали на столешнице дешёвого пластикового стола, пальцы чуть согнуты — так, будто всё ещё сжимали турник или, наоборот, только что выпустили чью-то шею. Костистые, с выступающими венами, с мозолями на костяшках, которые не проходят годами. Руки, знающие толк в сопротивлении. Руки, которые два года назад держали автомат Калашникова в сирийской степи, а пять лет до этого — штангу в зале ЦСКА.

Сейчас они лежали неподвижно, и он пытался понять, сколько эти руки могут стоять.

В комнате пахло сыростью и старыми обоями. Коммуналка на окраине Москвы, доставшаяся от бабушки, которая умерла полгода назад. Мать звонила из Рязани, спрашивала, как дела. Он врал, что всё отлично, что у него перспективная работа в частном медицинском центре. Врал легко и убедительно — научился за годы службы. Там вообще многому научили: терпеть, ждать, не подавать виду, когда внутри всё горит.

А внутри горело постоянно.

Спорт пришёл в его жизнь рано — отец, военный, приучил: «Мужчина должен быть сильным». К восемнадцати у него был первый разряд по спортивной гимнастике, кандидат в мастера по армейскому рукопашному бою и разбитый нос, который сросся криво, но это даже придавало лицу характер. В армию он пошёл сам, выбрал спецназ, подписал контракт. Там добавились переломы, растяжения, однажды пуля прошла в сантиметре от бедренной артерии — остался шрам на внутренней стороне бедра, похожий на улыбку.

В спецназе он понял, что такое настоящее братство. И настоящее предательство. Командир, которого они вытаскивали из-под обстрела, через полгода после дембеля открыл ЧОП и звал работать за тридцать тысяч. Тридцать тысяч — за то, чтобы стоять с дубинкой у входа в супермаркет.

Он не пошёл.

Вместо этого вспомнил, что всегда хотел понимать тело не только как инструмент для убийства или спорта. Поступил в медицинский на бюджет, выбрал лечебную физкультуру и спортивную медицину. Учился жадно, словно хотел выудить из анатомии ответ на вопрос: почему человек, который может отжаться триста раз, оказывается таким беспомощным перед обычной жизнью?

Диплом получил с отличием. Устроился в реабилитационный центр. Работал с пожилыми людьми после инсультов, с бывшими спортсменами, с женщинами, которые хотели вернуть тонус после пятидесяти. Он научился слушать не только мышцы, но и души. Старушки тянулись к нему, рассказывали о внуках, о покойных мужьях, о том, как страшно быть одной. Он был терпелив. Он умел быть рядом.

Но денег платили мало.

Та встреча случилась в апреле. Дождь хлестал по асфальту, он шёл от метро, натянув капюшон дешёвой куртки. Возле элитной высотки на Остоженке какая-то женщина пыталась поймать такси — мокла под ливнем, а машины проезжали мимо. Он подошёл, спросил, нужна ли помощь. Женщина — лет пятидесяти, ухоженная, с дорогим пальто, которое намокало на плечах — посмотрела на него устало и раздражённо. Но что-то в её взгляде дрогнуло. Может, его спокойствие. Может, то, как он ровно стоял под дождём, не сутулясь, не пытаясь спрятаться.

Он поймал её машину. Просто шагнул на проезжую часть, поднял руку — и частник остановился. Она села, опустила стекло, спросила:

— Сколько я вам должна? Он мотнул головой.

— Нисколько.

Она усмехнулась, протянула визитку.

— Если захотите заработать настоящие деньги, позвоните.

Визитка была плотная, матовая, с тиснением. Только имя и телефон: «Елена».

Он выкинул её в лужу в тот же вечер. Но номер запомнил — память у него была фотографическая, спецназовская выучка. Неделю спустя, когда пришло уведомление о том, что бабушкину пенсию перестанут начислять, а на счету оставалось четыре тысячи рублей, он набрал этот номер.

Елена оказалась владелицей эскорт-агентства, но не того, что в фильмах показывают. «Элитный клуб знакомств», как она это называла. Женщины — успешные, состоятельные, одинокие. Мужчины — воспитанные, красивые, с головой. «Никакой пошлости, — говорила она, поправляя безупречную чёлку. — Ты должен быть для них не просто телом. Ты должен быть собеседником, психологом, другом. И, если дойдёт до близости, это должно быть естественно, как дыхание.

Но инициатива — только с их стороны». Он слушал и чувствовал, как внутри всё сжимается. То, чему его учили в спецназе — защищать, быть воином, — и то, чему учили в медицине — лечить, восстанавливать, — вдруг сплавилось в одно: продавать себя.

Но он согласился.

Потому что выбор был прост: либо торговать телом, либо торговать временем за гроши. А тело он знал лучше, чем время.

Первый выход был с женщиной сорока семи лет, владелицей сети салонов красоты. Она заказала ужин в «Белуге», говорила о живописи и о том, как её дети ненавидят её нового мужа. Он слушал, кивал, задавал вопросы. Он чувствовал себя актёром, который играет роль, но роль эта была на удивление близка — он ведь и правда умел слушать, умел заботиться.

Она попросила проводить её до дома. В лифте взяла его за руку — сухую, горячую ладонь. Он не отдёргнул. Внутри было пусто и холодно, но он улыбнулся той улыбкой, которой научился у инструктора по психологической подготовке: спокойной, чуть отстранённой, но тёплой.

Ночью он не спал. Лежал на узкой кровати в коммуналке, смотрел в потолок и думал: кто он теперь? Воин? Врач? Спортсмен?

Или просто мужчина, который понял, что его тело и его умение слушать — единственный товар, который ещё можно выгодно продать в этой стране. Утром он встал, сделал зарядку, сходил в душ и позвонил Елене.

— Я готов работать дальше. Но у меня есть условия.

— Какие? — Я сам выбираю, с кем. И я не вру. Если мне женщина неприятна — я откажусь. В трубке повисла пауза.

— Ты понимаешь, что это рынок? — спросила Елена.

— Понимаю. Но если я буду врать себе, я сломаюсь. А сломанный товар никому не нужен. Она рассмеялась — негромко, с уважением.

— Хорошо. Посмотрим, как долго ты продержишься. Он положил трубку и посмотрел на свои руки. Те самые, что держали автомат, штангу и скальпель. Теперь они будут гладить чужие плечи, массировать уставшие спины и сжимать бокалы с дорогим виски.

Он не знал, продлится это месяц или год. Но одно знал точно: обратной дороги нет. Или почти нет.

Где-то глубоко внутри ещё теплилась надежда, что однажды эти руки коснутся кого-то не за деньги. Кого-то, кто увидит в нём не товар, а человека.

Но пока он убирал надежду в самый дальний ящик души — туда, где лежали армейские шевроны и несданные экзамены по философии.

Потому что философия у него теперь была новая: выжить и не потерять себя.

А это, как он скоро поймёт, почти невозможно.

Часть 1. Вхождение в роль

Глава 1. Проба

Телефон завибрировал ровно в семь вечера, как Елена и обещала.

«Ресторан „БЕЛУГА“, 20:00. Столик на имя Ирины Сергеевны. Платье тёмное, элегантное. Ты в костюме, без галстука. Она будет в сером».

Я перечитал сообщение два раза, словно пытаюсь найти в нём подвох. Платье, элегантное, она будет в сером — это напоминало инструкцию к явке, и отчего-то стало смешно. В спецназе мы получали другие вводные: объект, координаты, время ликвидации или захвата. Там тоже были детали, но цена ошибки измерялась не испорченным вечером, а жизнью.

Сейчас цена ошибки — тридцать тысяч рублей.

Я посмотрел на костюм, висящий на дверце шкафа. Купил вчера в стоковом магазине за двенадцать тысяч — все деньги, что оставались после оплаты коммуналки. Тёмно-синий, итальянский лён с примесью шерсти, на удивление сел идеально, будто шили на меня. Продавщица, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами, сказала: «Вам очень идёт. Вы артист?»

«Бывший военный», — чуть не ответил я.

Но ответил: «Менеджер». Мы все теперь менеджеры. Кто-то продаёт нефть, кто-то — станки, кто-то — своё время. А я, получается, буду продавать присутствие. Иллюзию внимания. Иллюзию близости.

Душ. Бритьё. Одеколон — взял в «Л'Этуаль» пробник, на пробник денег хватило. Лёгкий, с нотами бергамота и кедра, не перебивает запах тела, только подчёркивает. Этому меня научили не в спецназе, а в институте, на курсе психологии восприятия: запах должен быть фоном, не раздражать, не запоминаться, но оставаться в подсознании как «приятный».

Я смотрел на себя в зеркало. Короткая стрижка, чисто выбритое лицо, никакой щетины — Елена предупредила: «Они любят гладкость, она напоминает им о молодости». Тёмные глаза, прямой нос, сломанный в детстве на тренировке, шрам над бровью — едва заметный, остался после Сирии, когда осколок чиркнул по касательной. Всё вместе создавало образ человека, который многое видел, но не сломался.

Образ, который можно продать.

Я надел костюм, белую рубашку, туфли — единственные приличные, ещё со времён выпускного в институте, чудом сохранившиеся. Посмотрел на себя в полный рост в мутное зеркало прихожей. Из зеркала смотрел чужой человек. Красивый, уверенный, дорогой.

Таким меня мать не узнает.

Метро, толпа, пересадка на «Театральную». Я поймал себя на том, что автоматически сканирую лица, оцениваю угрозы, замечаю руки в карманах, сумки без присмотра — привычка, ввевшаяся в подкорку. В вагоне напротив сидела девушка, читала книгу, изредка поднимала глаза и смотрела на меня. Я отводил взгляд. Не время. Не место.

Из метро я вышел за двадцать минут до назначенного времени. Постоял у гостиницы «Москва», глядя на то, как зажигаются огни на Манежной. Раньше я любил здесь гулять, когда приезжал в Москву в увольнение. Тогда всё было проще: приказ выполнил, домой вернулся, жив — значит, повезло. Сейчас приказы отдаю себе сам, и это сложнее.

В ресторан я вошёл ровно в восемь.

Она сидела за столиком у окна, и свет падал на неё так, будто оператор выстраивал кадр. Светлые волосы, собранные в низкий пучок, серое платье — точно как в описании, открытые плечи, нитка жемчуга на шее. Лет сорок семь — сорок восемь, определил я, хотя выглядела она моложе. Ухоженная, с той особенной породой, которая даётся не деньгами даже, а привычкой к деньгам с молодости.

Я подошёл.

— Ирина Сергеевна? Она подняла глаза. Взгляд цепкий, оценивающий, профессиональный — так смотрят на собеседников на переговорах, когда решают, стоит ли тратить время. Я выдержал этот взгляд спокойно, не отвёл глаза, не улыбнулся слишком широко. Улыбнулся ровно настолько, чтобы обозначить: я рад, но не навязчив.

— Вы Саша? — голос низкий, с лёгкой хрипотцой, курящая, наверное.

— Александр, — поправил я мягко. Саша — для друзей, для неё пока Александр.

— Присаживайтесь, Александр.

Я сел напротив, положил руки на стол — открыто, ладони не сцеплены, не спрятаны. В её позе тоже не было закрытости, но была дистанция. Стеклопанная стена, которую она выстроила за годы управления людьми и бизнесами.

— Вы голодны? — спросила она. — Я закажу то же, что и вы, если позволите.

Бровь чуть приподнялась. Неожиданный ответ. Она ждала, видимо, стандартного «да, голоден» или вежливого «нет, спасибо». А я ответил так, чтобы показать: я не гость, я спутник. Мы вместе, даже в выборе еды.

— Хорошо, — она почти улыбнулась.

— Я возьму ризотто с белыми грибами и морского ежа на закуску. Вам подойдёт?

— Вполне. Я снова улыбнулся, и в этот раз чуть теплее. Мы прошли первый раунд.

Она заказала вино — «Шабли», сухое, выдержанное. Я пил мало, только пригубливал, потому что привык контролировать голову. Она заметила, но ничего не сказала.

Разговор начался с погоды, с ресторана, с Москвы — тот самый светский трёп, который я ненавидел, но к которому готовился. Елена дала мне несколько уроков: «Говори с ними о них. Задавай вопросы, слушай, запоминай детали. Через час ты должен знать о её жизни больше, чем её лучшая подруга».

Я спрашивал. Она отвечала.

Ресторанный бизнес, сеть из семи заведений, проблемы с персоналом, конкуренция, усталость от управления. Двое детей, оба учатся в Лондоне. Муж? Здесь пауза, лёгкое движение плечом: «Мы в процессе развода». Я не стал углубляться, просто кивнул. Сказал: «Это, наверное, непросто».

Она посмотрела на меня внимательнее. Сказала:

— Вы не первый, с кем я встречаюсь в таком формате. Но вы первый, кто не лезет с советами.

— Я не знаю вашей ситуации, чтобы советовать. Я могу только слушать.

— Это уже много, — она отпила вино. — Мой муж не слушал последние лет десять. Он слушал только своих любовниц.

Горько, но без надрыва. Сказано как факт, который уже перестал ранить, просто остался где-то внутри занозой, которая не болит, но напоминает о себе, когда на неё нажимают.

Я промолчал. Не потому, что нечего было сказать, а потому что любые слова сейчас были бы лишними. Она не нуждалась в утешении. Она нуждалась в тишине, которую можно заполнить собой.

К концу ужина она расслабилась. Я видел это по тому, как изменилось положение её тела: плечи опустились, спина перестала быть идеально прямой, она чуть подалась вперёд, ближе ко мне. Расстояние между нами сократилось.

— Вы чем занимаетесь, Александр? — спросила она, когда подали кофе.

— Я врач, — ответил я. — Лечебная физкультура, реабилитация. Спортивная медицина.

— Правда? — удивилась она. — Я думала... — она запнулась, подбирая слово. — Ну, Елена обычно присылает других. Более... как бы сказать... артистичных, что ли.

— Менее медицинских? — усмехнулся я.

— Да, — она улыбнулась в ответ. — Именно. Вы не похожи на остальных. В вас есть что-то... надёжное. Основательное.

— Это потому, что я не артист, — сказал я. — Я просто умею слушать тело. И иногда душу. Она задержала на мне взгляд. В нём появилось что-то новое: не оценка, не проверка, а интерес. Живой, тёплый интерес.

— У меня спина болит, — сказала она вдруг. — Поясница. От сидячей работы, наверное. Или от возраста. — От возраста не болит, — возразил я.

— От возраста перестаёт болеть кое-что другое. А спина болит от зажимов. От того, что носите в себе слишком много. — И что вы посоветуете, доктор?

— Расслабляться, — я чуть наклонил голову. — Но не здесь и не сейчас. Сейчас я просто провожу вас до дома.

Она кивнула, и в этом кивке было согласие не только на проводы.

Мы вышли из ресторана, и ночь ударила в лицо прохладой. Москва светилась, шумела, жила своей привычной жизнью, а мы шли по набережной медленно, почти не касаясь друг друга, но рядом.

— Здесь недалеко, — сказала она. — Я живу на Остоженке.

Я знал. Елена дала адрес ещё днём, на случай, если понадобится вызвать такси или провезти. Но я промолчал.

У подъезда она остановилась, повернулась ко мне.

— Вы зайдёте? Вопрос прозвучал обычно, будто она спрашивала о погоде. Но в глазах было напряжение — она не знала, чего ждать. Отказа? Согласия? Неловкости?

— Если вы хотите, — ответил я.

— Я хочу, — сказала она просто. Лифт поднимался медленно, и в этом зеркальном прямоугольнике мы стояли рядом, и я чувствовал её запах — дорогие духи, вино, чуть-чуть пота, выступившего от волнения. Она молчала, и я молчал.

Квартира оказалась огромной, с панорамными окнами на Москву-реку, с белыми стенами и чёрной кожаной мебелью. Красиво, холодно, безлико — как в гостинице. Дизайнерский ремонт за миллионы, в котором не чувствовалось жизни.

— Чаю? — спросила она.

— Кофе, если можно. Она ушла на кухню, а я остался в гостиной. Подошёл к окну, посмотрел на огни, на отражение города в реке. Сзади слышались шаги. Она подошла близко, почти вплотную. Я чувствовал её дыхание на своей шее.

— Красиво, — сказала она про вид.

— Да, — ответил я. Она положила руку мне на плечо. Лёгкое прикосновение, вопросительное. Я повернулся.

Она смотрела снизу вверх — я был выше на голову, и это, кажется, ей нравилось. В её глазах было что-то детское, незащищённое, совсем не соответствующее её возрасту и статусу. Девочка, которая хочет, чтобы её обняли.

Я обнял.

Она прижалась, уткнулась носом мне в грудь, и я почувствовал, как она делает глубокий вдох, вдыхая мой запах. Руки её скользнули по спине, сжались на ткани пиджака. Секунда, другая — и она отстранилась, взяла меня за руку и повела в спальню.

Там было темно, только свет фонарей пробивался сквозь жалюзи, рисуя полосы на постели. Она разделась сама, быстро, будто стесняясь своего тела, хотя стесняться было нечего — ухоженное, подтянутое, с налётом возраста, который не портит, а добавляет глубины. Легла, накрылась простынёй, смотрела, как я раздеваюсь.

Когда я лёг рядом, она придвинулась, положила голову мне на плечо. И замерла.

— Можно просто полежать? — спросила она тихо.

— Можно всё, что вы хотите, — ответил я. И мы лежали. Минут десять, может, больше. Я гладил её по волосам, чувствуя, как напряжение уходит из её тела волна за волной. Она

молчала. Я молчал. Это было странно — близость без слов, без секса, просто тепло двух тел, усталых от одиночества.

Потом она уснула.

Я не спал. Лежал и смотрел в потолок, слушая её ровное дыхание. В голове было пусто и тихо, как бывает после боя, когда адреналин схлынул, а новый ещё не пришёл. Я думал о том, что сейчас произошло. Или не произошло.

Она заплатила за вечер. За ужин. За разговор. За то, что я был рядом. За то, что уснула в моих руках и чувствовала себя в безопасности. Это стоило тридцать тысяч рублей.

Я осторожно высвободил руку, встал, оделся в темноте. На тумбочке оставил записку: «Спасибо за вечер. Александр». И вышел.

Домой я вернулся в два ночи. В коммуналке пахло щами — соседка снизу варила на всю неделю. Я разделся, повесил костюм на плечики, долго стоял под душем, смывая с себя её духи, её прикосновения, её тихий сон на моём плече. Лёг в кровать, уставился в потолок. В голове крутилась одна мысль: «Я не чувствую брезгливости. Почему я не чувствую брезгливости?»

Должно быть стыдно. Должно быть гадко. Я продал себя за тридцать тысяч, даже не за секс — за присутствие. За то, что был живой грелкой, заменой мужу, которого у неё нет, сыну, который далеко, отцу, которого, возможно, никогда и не было.

Но вместо стыда было странное, почти незнакомое чувство. Я был нужен. Реально нужен. Не как тело для удовлетворения, а как человек, с которым можно просто лежать и молчать, чувствуя себя в безопасности.

Может, это и есть та самая философия, которую я искал?

Я усмехнулся в темноте. Философия жиголо: «Я лечу души через тело».

Утром пришло сообщение от Елены: «Клиентка довольна. Заказ на постоянной основе, два раза в неделю. Поздравляю, ты прошёл проверку».

Я долго смотрел в экран. Потом набрал ответ: «Спасибо. Буду работать».

И пошёл делать зарядку. Сто отжиманий, сто пресс, растяжка. Тело должно помнить, что оно не только товар, но и инструмент. Инструмент выживания.

Где-то глубоко внутри теплилась мысль, что однажды этот инструмент пригодится для чего-то настоящего. Но пока я её гасил. Как гасил все мысли, мешающие выполнять задачу.

В спецназе учили: «Не думай — делай. Придёшь домой — надумаешься».

Только домой я прийти не могу. Потому что этот дом — коммуналка с запахом щей — не дом. А настоящего дома у меня теперь нет.

Есть только роли. И новая роль, кажется, начинается.

Глава 2. Маска

Только совесть пылью на прилавке, её и даром не хотят....

Алёна. «Ярмарка судеб»

Неделя до следующего заказа пролетела в серой монотонности. Я ходил в магазин за продуктами, делал растяжку на полу в комнате, читал старые учебники по анатомии — просто чтобы не забыть, кто я. Деньги, полученные от Ирины Сергеевны, ушли на коммуналку, долги и минимальный запас еды. Осталось три тысячи.

Три тысячи — это пропасть между мирами. В одном мире на них можно прожить неделю, питаюсь гречкой и куриными сердцами. В другом мире это цена одного бокала вина в ресторане, где я ужинал с Ириной.

Я поймал себя на том, что вспоминаю её чаще, чем стоило бы. Не как клиентку, не как эпизод — как человека. Её запах, её дыхание во сне, то, как она прижималась и сразу становилась беззащитной. Я отгонял эти мысли. Привязанность — роскошь, которую я не могу себе позволить. В моей новой профессии привязанность — это нарушение техники безопасности.

Елена позвонила в пятницу вечером.

— Готов к следующему выходу?

— Всегда готов, — ответил я, и в голосе против воли проскользнула армейская интонация.

— Отлично. Завтра, девятнадцать тридцать, «Чайка» на Садовом. Клиентка — Лариса Викторовна, пятьдесят два года. Муж — фигура, фамилию не скажу, но ты её узнаешь, когда увидишь. Будь аккуратен.

— Что значит «аккуратен»? Пауза. Елена вздохнула, и в этом вздохе мне послышалось что-то похожее на вину.

— Она требовательная. Не всем нашим мальчикам с ней комфортно. Но она хорошо платит. Очень хорошо. Твоя задача — продержаться вечер. Если что-то пойдёт не так — улыбайся и терпи. Потом разберёмся.

— Что значит «не комфортно»?

— Александр, — Елена впервые назвала меня полным именем, и это прозвучало как предупреждение. — Ты бывший военный. Ты должен уметь терпеть. — Я умею терпеть боль. Унижения — не обязательно.

— Кто говорит об унижениях? — голос Елены стал мягче, почти ласковым. — Просто у неё свои... особенности. Она любит доминировать. Но в рамках. Ничего такого, с чем бы ты не справился.

Я промолчал. В рамках — понятие растяжимое. В спецназе у нас тоже были свои «рамки» — пытаться пленного можно, но так, чтобы не насмерть. Тоже рамки.

— Я понял, — сказал я.

— Умница. Завтра пришлю детали. Она отключилась, а я ещё долго сидел на табуретке, глядя в окно на серую стену соседнего дома. Пятьдесят два года. Требовательная. Любит доминировать. Муж — фигура.

Я усмехнулся. В Сирии мне приходилось иметь дело с людьми, которые любили доминировать. У них были автоматы и ножи. У этой женщины, надо полагать, только деньги и власть. Но власть иногда страшнее автомата. Я лёг спать пораньше, но долго не мог уснуть. Вспомнился инструктор по психологической подготовке, майор Сомов. Он говорил: «Запомни, боец: страх — это не трусость. Страх — это сигнал. Если ты боишься, значит, ты оценил угрозу и готовишься к ней. Трусость — это когда ты подчиняешься страху и перестаёшь думать. Не подчиняйся — и выживешь».

Я не боялся. Я готовился.

Ресторан «Чайка» оказался местом для своих. Ни вывески, ни намёка на пафос — просто дверь в сталинском доме, табличка с номером, кованая ручка. Внутри — полумрак, тяжёлые портьеры, официанты в чёрном, говорящие шёпотом. Посетители — сплошь пары, возраст за сорок, дорогие часы на запястьях женщин и дорогие лица у мужчин.

Я пришёл ровно в 19:30, как просили. Метрдотель, даже не спросив фамилии, проводил меня в отдельный кабинет в глубине зала.

Она уже была там.

Лариса Викторовна сидела за круглым столом, накрытым на двоих, и пила что-то прозрачное с оливкой — мартини или водку, не разобрать. Ей, по словам Елены, пятьдесят два, но выглядела она не старше пятидесяти. Высокая, крупная, с той особенной грузностью, которая бывает у женщин, переставших следить за собой в какой-то момент, а потом пытавшихся наверстать упущенное косметологами и массажистами. Лицо — гладкое, но безжизненное, как у восковой куклы. Ботокс, наверное, или что-то подобное. Глаза — маленькие, цепкие, смотрящие с насмешкой.

— Явился, — сказала она вместо приветствия. Голос низкий, прокуренный. — Садись. Выпьешь?

— Здравствуйте, — сказал я, садясь напротив.

— Если вы пьёте — составлю компанию.

— Умеешь отвечать, — она усмехнулась и щёлкнула пальцами официанту, стоящему в углу. Тот материализовался мгновенно. — Ему то же, что у меня.

Передо мной появилась рюмка с прозрачной жидкостью. Я пригубил — водка, хорошая, мягкая, но водка. Я пить не планировал, но отказаться означало начать вечер с конфликта. Я сделал глоток, поставил рюмку.

Она смотрела на меня в упор, изучая, как товар на витрине.

— Хорош, — сказала наконец. — Елена не врёт. Глаза умные. Сразу видно — не пустышка. Чем занимался до?

— Врач, — ответил я. — Лечебная физкультура, реабилитация.

— Ого, — бровь поползла вверх. — Интеллигент. А в морду кому-нибудь мог дать?

— Мог, — ответил я спокойно. — Но только если заслуживал.

— А если не заслуживал, но надо?

Я посмотрел ей в глаза. Выдержал паузу.

— В медицине это называется «терапия». Некоторым помогает.

Она расхохоталась — громко, каркаяще, запрокинув голову. В смехе не было тепла, была власть. Она смеялась не потому, что ей смешно, а потому что могла себе позволить.

— Мне нравится, — сказала она, отсмеявшись. — Ты с юмором. Это хорошо. С тобой не скучно будет. А то некоторые сидят как истуканы, слова не вытянешь.

Она налила себе ещё, кивнула на мою рюмку. Я покачал головой.

— Я за рулём, — соврал я.

— Метро, что ли? — усмехнулась она. — Ладно, дело твоё.

Ужин тянулся медленно, как болезнь. Она говорила без остановки — о муже, который «дурак и изменяет, но я его содержу», о детях, которые «выросли неблагодарными свиньями», о бизнесе, о подругах, о том, как её достало всё и все. Я слушал, кивал, задавал нейтральные вопросы, стараясь не попадаться на крючок.

Она то и дело касалась меня — клала руку на запястье, поправляла воображаемую соринку на пиджаке, гладила по колену под столом. Прикосновения были собственническими, требовательными, без намёка на нежность. Так глядят дорогую вещь, которую только что купили и ещё не решили, подходит ли она.

К концу ужина она захмелела — несильно, но заметно. Глаза стали масляными, движения — развязными.

— Поехали ко мне, — сказала она, когда официант убрал тарелки. Это был не вопрос. Приказ. Я кивнул.

Её дом оказался не квартирой, а особняком в Серебряном Бору. Огромный, трёхэтажный, с башенками и колоннами — аляповатый, безвкусный, но дорогой. Внутри — позолота, хрусталь, мрамор, всё кричало о деньгах и кричало фальшиво.

— Нравится? — спросила она, ведя меня через холл.

— Впечатляет, — ответил я дипломатично.

— Муж строил, — она махнула рукой. — Думал, меня задобрить. А мне здесь душно. Я люблю море. Но ему плевать.

Она привела меня в спальню. Там стояла огромная кровать под балдахином, и при виде её меня кольнуло нехорошее предчувствие.

— Раздевайся, — сказала она, садясь в кресло.

Я начал раздеваться. Медленно, без вызова, но и без суеты. Она смотрела, прищурившись, и в этом взгляде было что-то такое, отчего внутри всё сжималось. Оценка. Проверка. Право собственности.

Когда я остался в одних трусах, она остановила жестом.

— Дальше не надо. Подойди. Я подошёл. Она протянула руку, провела пальцем по шраму на бедре.

— Откуда?

— Пуля, — ответил я коротко.

— Воевал? — Служил.

— Ух ты, — в голосе появилось что-то похожее на уважение.

— Настоящий мужчина. А теперь стоишь тут в трусах перед старой бабой за деньги. Каково это?

Я молчал. Не потому, что нечего было сказать, а потому что любые слова сейчас были бы проигрышем. Она усмехнулась, встала, подошла вплотную. Положила руки мне на плечи, сжала мышцы.

— Сильный. Умный. Красивый. И продаёшься. Как же так вышло, а?

— Жизнь, — ответил я. — Жизнь, — повторила она.

— Ладно. Развлекай меня.

Она прижалась ко мне всем телом, и я почувствовал жар, идущий от неё сквозь тонкий шёлк халата. Запах её духов — тяжёлых, восточных, с нотами сандала и чего-то терпкого — смешался с запахом пота, выступившего от волнения. Её руки скользнули по моей спине, царапнули ногтями кожу, оставляя едва заметные следы.

— Целуй меня, — приказала она, запрокидывая голову.

Я наклонился, коснулся её губ. Она ответила жадно, почти агрессивно, впиваясь в мой рот, кусая губы до лёгкой боли. Её язык скользнул внутрь, требуя, доминируя. Я подчинился, позволяя ей вести, но внутри оставался холодным, отстранённым, наблюдающим.

Она оторвалась, тяжело дыша.

— Раздень меня. Я развязал пояс халата, и шёлк упал на пол. Она стояла передо мной в одном белье — дорогом, кружевном, чёрном, которое подчёркивало её ещё не увядшее тело. Кожа была бледной, с сеточкой морщин на шее и чуть дряблой кожей на внутренней стороне бёдер, но в полумраке спальни это было почти незаметно. Грудь — тяжёлая, в кружевном бюстгальтере, приподнятая, чтобы выглядеть моложе.

— Нравится? — спросила она, и в голосе её вдруг проскользнула неуверенность.

— Вы красивая, — ответил я, и это было почти правдой. Не той красотой, которой учат в журналах, а красотой женщины, которая много жила и много чувствовала. Она усмехнулась, но в глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Ложись.

Я лёг на кровать. Она забралась сверху, оседлала меня, прижимаясь бёдрами. Я чувствовал жар её тела даже сквозь ткань трусов. Она наклонилась, провела языком по моей шее, ключице, груди. Её волосы щекотали кожу, пахли дорогим шампунем и чуть-чуть табаком.

— Ты напряжён, — прошептала она, кусая мой сосок. — Расслабься. Это всего лишь игра.

Я закрыл глаза и позволил себе провалиться в ощущения. Её руки, её губы, её дыхание — всё это было просто набором сигналов, которые тело воспринимало, а сознание пропускало мимо. Я думал о том, чему учили в спецназе: когда больно — думай о чём-то другом. Здесь было не больно, но принцип тот же. Отключиться. Стать машиной.

Она стянула с меня трусы, и я почувствовал её ладонь, сжимающую меня. Влажную, горячую, нетерпеливую.

— Хорошо, — выдохнула она. — Очень хорошо. Она приподнялась, и я вошёл в неё. Медленно, глубоко, чувствуя, как её внутренние мышцы сжимаются вокруг меня. Она застыла, запрокинув голову, и начала двигаться — сначала плавно, потом всё быстрее, входя в ритм, который был нужен только ей.

Я смотрел на неё снизу. В полумраке спальни, при свете фонарей, пробивающемся сквозь жалюзи, она была почти красивой. Глаза закрыты, губы приоткрыты, на лбу выступила испарина. Она не играла сейчас, не доминировала — она просто была женщиной, которая брала своё. Её дыхание участилось, стоны стали громче. Она впиалась ногтями мне в грудь, царапая кожу, и я чувствовал, как её тело начинает дрожать, приближаясь к краю.

— Да, — прошептала она. — Да, ещё...

Я приподнял бёдра, входя глубже, и это стало последней каплей. Она выгнулась, вскрикнула — негромко, сдавленно, будто боясь, что кто-то услышит — и замерла. Я чувствовал, как внутри неё пульсирует, как волна за волной проходит сквозь её тело, заставляя мышцы сокращаться в сладкой судороге.

Она обмякла, упала мне на грудь, тяжело дыша. Я обнял её, глядя по спине, и чувствовал, как по её щеке течёт слеза.

— Тихо, — сказал я. — Всё хорошо.

— Дурак, — прошептала она. — Это не от боли.

— А от чего? — Оттого, что я забыла, как это бывает. По-настоящему.

Я молчал. Потому что не знал, что ответить.

Потом она отстранилась, посмотрела на меня — и в глазах её была ненависть.

— Убирайся, — сказала она тихо. — Одевайся и убирайся.

Я встал, оделся. Она сидела на кровати, отвернувшись к окну, и не смотрела на меня. В дверях я обернулся.

— Лариса Викторовна...

— Пошёл вон, — не оборачиваясь. Я вышел.

Ночной Серебряный Бор спал. Я шёл к станции, и ветер хлестал по лицу, и мысли в голове были тяжёлые, как камни. Я вспомнил её дрожь. Её всхлип. Её ненависть в конце.

Она ненавидела меня не за то, что я сделал. Она ненавидела меня за то, что я увидел. Увидел её настоящую — слабую, одинокую, жалкую. Эту часть себя она прятала от всех, а я увидел случайно, потому что обнял не вовремя.

Или вовремя? Я не знал.

Домой я добрался под утро. Лёг, уставился в потолок. Перед глазами стояло её лицо — сначала надменное, властное, потом — детское, испуганное, с дрожащими губами.

Я достал телефон, открыл заметки и написал:

«Лариса В. 52 года. Муж — фигура. Дети ненавидят. Одиночество, прикрытое хамством. Боятся жалости больше, чем смерти. Хочет, чтобы её обнимали, но не может попросить. Когда

получает — ненавидит дающего. Защита: нападение. Уязвимость: спина, шея, внутренняя сторона запястий. Прижимается, когда дрожит».

Я перечитал написанное. Зачем я это пишу? Чтобы контролировать? Чтобы не забыть, что они все — люди? Чтобы сохранить себя?

Или чтобы построить картотеку, которая однажды поможет мне выжить в этой игре?

Я не знал. Но запись оставил.

Утром пришло сообщение от Елены: «Лариса Викторовна просила тебя больше не присылать. Что случилось?»

Я набрал ответ: «Ничего. Я сделал всё, как надо».

Пауза. Потом Елена ответила: «Странно. Она сказала, что ты „слишком настоящий“. Это у них значит что-то плохое. Отдохни пару дней, найдём другую».

Я отложил телефон.

Слишком настоящий. Интересный диагноз. Я думал, что, наоборот, надеваю маску. А оказывается, маска — это и есть я. Тот, кто умеет слушать, чувствовать, обнимать, когда надо. Только вот зачем это всё, если в конце всё равно пошлют?

Я встал, сделал сто отжиманий. Потом ещё сто. Мышцы горели, и это было приятно — чувствовать боль, которую ты выбрал сам, а не получил от жизни.

Вечером я сидел на кухне, пил чай, смотрел в окно. Соседка снизу опять варила щи. За стеной ругались алкоголики. В мире было всё как всегда.

А я думал о Ларисе Викторовне. О том, как она дрожала в моих руках. О том, как она ненавидела меня за эту дрожь.

И о том, что через неделю выйду на новую встречу. И снова надену маску. Потому что без маски в этом мире не выжить.

Но маска прирастает к лицу. Это я знал точно. В спецназе видел ребят, которые так и не смогли её снять. Они и сейчас где-то там — пьют, воюют, или просто смотрят в стену пустыми глазами.

Я не хотел стать таким. Но выбора не было.

Выбор был только между масками. Какую наденешь сегодня — такую и будешь носить, пока не сотрётся до дыр.

Или пока не сотрёт тебя.

Глава 3. Тренер

После Ларисы Викторовны я три дня не выходил из дома. Не потому, что было стыдно или больно — нет, с этим я справлялся. Просто внутри образовалась пустота, которую нечем было заполнить. Я отжимался, читал, смотрел в потолок — пустота не уходила. Она сидела где-то под рёбрами и тихо ждала, когда я снова начну себя продавать.

Елена не звонила. Видимо, давала время прийти в себя или искала подходящую кандидатуру, которую мой «слишком настоящий» формат не спугнёт. Я не обижался. В конце концов, я был для неё товаром — товар с дефектом, который нужно пристроить по выгодной цене.

На четвёртый день телефон ожил.

— Есть одна женщина, — сказала Елена без предисловий.

— Светлана, пятьдесят пять лет. Бывшая спортсменка, чемпионка по плаванию, сейчас на инвалидности. После аварии. Она не хочет ужинов и ресторанов. Ей нужна помощь.

— Помощь? — переспросил я.

— ЛФК. Реабилитация. Массаж. Она передвигается с трудом, но деньги есть. Ищет не сиделку, а человека, который сможет восстановить её тело. Понимаешь?

Я понимал. Впервые за всё время Елена предлагала мне не роль любовника или собеседника, а работу, для которой у меня действительно были руки.

— Я согласен, — сказал я.

— Даже цену не спросишь?

— Какую цену? Она назвала сумму. В три раза больше, чем платила Ирина Сергеевна. Я молчал.

— Это не благотворительность, — добавила Елена. — Она богата. И она готова платить за результат. Если поможешь — будешь получать столько же постоянно. Если нет — наймёт другого. Твоя задача — не переспать с ней, если она не захочет. Твоя задача — поставить её на ноги. Буквально.

— Я понял.

— Тогда завтра в десять утра. Адрес пришлю.

Дом на Фрунзенской набережной оказался сталинской высоткой с лепниной и мраморным холлом. Консьержка посмотрела на меня подозрительно, но адрес пропустила. Лифт, ковровая дорожка, тяжёлая дверь с медной табличкой — никакой фамилии, только номер квартиры.

Открыла мне женщина в инвалидном кресле. И первое, что я увидел, были глаза. Синие, живые, с той особенной глубиной, которая бывает у людей, много переживших и не сломавшихся. Короткие седые волосы, спортивная стрижка, широкие плечи — даже в кресле чувствовалась порода.

— Светлана, — сказала она, протягивая руку. Рукопожатие оказалось крепким, мужским.

— Александр.

— Знаю. Елена мне всё рассказала. Врач, спецназ, спорт. Заходи.

Я вошёл в квартиру. Светлая, большая, но не безвкусно-дорогая, как у Ларисы, а уютная — дерево, книги, фотографии на стенах. На одной — молодая женщина на пьедестале, с медалью на шее, мокрая после заплыва, смеющаяся. Я узнал её.

— Олимпиада-88, — сказала Светлана, перехватив мой взгляд. — Сеул. Два золота. Иллюзия, что это навсегда. Она развернула кресло и покатила в гостиную. Я пошёл следом.

— Елена говорит, ты можешь помочь, — продолжила она, останавливаясь у окна. — Я перепробовала всё. Лучшие клиники, лучшие врачи, лучшие массажисты. Результат — ноль.

Немцы сказали: никогда не встанешь. Швейцарцы сказали: смирись. Американцы взяли кучу денег и сказали: будем пробовать. Я устала пробовать.

Она повернулась ко мне. Взгляд — испытывающий, жёсткий.

— Зачем ты здесь? Из-за денег?

— Да, — ответил я честно. Она усмехнулась.

— Хоть не врешь. Садись. Рассказывай, что умеешь.

Я сел на диван напротив неё и начал рассказывать. О лечебной физкультуре, о реабилитации после травм, о том, как работал с пожилыми людьми в центре. Она слушала внимательно, иногда задавала вопросы — профессиональные, точные. Спортсменка, она знала тело лучше многих врачей.

— Покажи руки, — попросила она.

Я протянул руки. Она взяла их, повертела, ощупала пальцы, ладони, запястья. Кивнула.

— Руки у тебя правильные. Сильные, но чувствующие. Это редкость. У массажистов либо сила без чувства, либо чувство без силы. Ладно, давай пробовать.

Мы начали на следующий день. Я приезжал к десяти утра, работал до часу, потом уходил. В первый день просто смотрел её карту, разговаривал, оценивал подвижность. Ноги не работали совсем — последствия удара, повреждение позвоночника. Операция была, но нервные окончания восстанавливались медленно, если вообще восстанавливались.

— Немцы сказали, что шансов нет, — повторила она, когда я закончил осмотр.

— Немцы не боги, — ответил я. — Шанс есть всегда. Вопрос в том, сколько сил вы готовы вложить.

— Я готова на всё, — сказала она тихо. — Только не жалею меня. Жалости я не выношу.

Я кивнул. Жалость я и не собирался предлагать.

Мы начали с малого — пассивная гимнастика, разработка суставов, лёгкий массаж, чтобы не атрофировались мышцы. Я показывал ей упражнения, которые она могла делать сама, сидя в кресле. Она выполняла с упрямством, достойным олимпийской чемпионки. Пот заливал глаза, руки дрожали, но она не останавливалась, пока я не говорил «хватит».

На пятый день она впервые почувствовала тепло в пальцах ног. Посмотрела на меня с недоверием.

— Это не может быть, — сказала она.

— Может, — ответил я. — Кровообращение восстанавливается. Это первый шаг.

Она заплакала. Беззвучно, отвернувшись к окну, чтобы я не видел. Я сделал вид, что не заметил.

Прошло две недели. Мы работали каждый день, и между нами возникло то, чего я не ожидал — доверие. Не любовное, не клиентское, а какое-то человеческое, глубинное. Она рассказывала о спорте, о том, как после победы её носили на руках, а после травмы забыли все, включая федерацию и друзей. Я рассказывал о спецназе, о Сирии, о том, как трудно возвращаться к мирной жизни.

— Ты скучаешь по адреналину? — спросила она однажды.

— Нет, — ответил я. — По братству скучаю. По людям, которым можно верить.

— А здесь есть такие?

Я посмотрел на неё. Она сидела в кресле, укрытая пледом, и смотрела на меня своими синими глазами, в которых за полвека накопилось столько боли, что хватило бы на целый полк.

— Вы — есть, — сказал я.

Она улыбнулась — впервые по-настоящему, без горечи.

— Дурак ты, Саша. Я же клиентка. Завтра перестану платить — и уйдёшь.

— Уйду, — согласился я. — Но это ничего не меняет.

Она покачала головой, но в глазах было тепло.

В конце третьей недели случилось то, чего я не ждал. Мы закончили занятие, она устала, но была довольна — в этот раз ей удалось чуть-чуть пошевелить стопой. Я собирал массажные масла, когда она сказала:

— Останься сегодня. Просто так. Посидим, выпьем чаю. Я устала от одиночества.

Я остался. Мы пили чай на кухне, говорили о пустяках — о погоде, о книгах, о Москве. Потом она вдруг замолчала и долго смотрела на меня.

— Можно тебя попросить? — спросила тихо.

— Да.

— Обними меня. По-настоящему. Я забыла, как это — когда тебя обнимают не за деньги и не из жалости.

Я подошёл, наклонился, обнял. Она прижалась, уткнулась лицом мне в плечо. Я чувствовал, как она дрожит — мелко, едва заметно, как тогда Лариса. Но в этой дрожи не было ненависти, было что-то другое. Благодарность. Тоска. И надежда.

— Спасибо, — прошептала она. Я молчал. Просто держал её в руках и смотрел, как за окном зажигаются огни на набережной.

В ту ночь я остался у неё. Не как любовник, не как сиделка — просто как человек, который был рядом. Она уснула в своей спальне, я лёг на диване в гостиной, укрывшись пледом. И впервые за долгое время спал спокойно, без кошмаров.

Утром она разбудила меня завтраком. Кофе, яичница, свежие круассаны — она сама всё приготовила, передвигаясь по кухне на кресле с ловкостью, которой позавидовал бы любой здоровый.

— Ты останешься? — спросила она, когда я доедал.

— Я приду завтра, как обычно.

— Я не про завтра. Я про сегодня. И завтра. И послезавтра. Останешься в моей жизни?

Я посмотрел на неё. Она ждала ответа, и в глазах её был страх — настоящий, детский страх, что я сейчас встану и уйду.

— Я уже остался, — ответил я. Она улыбнулась. И в этой улыбке было столько света, что на миг я забыл, кто я и зачем сюда пришёл.

Вечером позвонила Елена.

— Как успехи?

— Хорошо. Она двигается лучше.

— Я не про то. Она довольна?

— Да. — Значит, будешь работать с ней постоянно. Я нашла тебе ещё пару клиенток, но Светлана — приоритет. Она просила, чтобы ты приходил пять раз в неделю. Оплата — вдвое.

— Я согласен.

— Ты молодец, — сказала Елена. — Я в тебе не ошиблась.

Я положил трубку и долго смотрел в окно. За окном была Москва, огромная, чужая, равнодушная. А в этой квартире, на Фрунзенской, жила женщина, которая ждала меня завтра утром. Не за деньги. Или за деньги? Я уже перестал понимать.

Но одно я знал точно: ради таких минут, когда кто-то говорит тебе «спасибо» и улыбается по-настоящему, можно продавать себя хоть сто раз.

Потому что в эти минуты ты перестаёшь быть товаром.

Ты становишься человеком.

Глава 4. Пределы

Та жизнь счастлива, которая согласуется с природой... если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам.

Сенека. «О блаженной жизни»

Месяц пролетел как один день. Светлана, Ирина Сергеевна (она возобновила встречи после того, как я перестал быть «слишком настоящим» для Ларисы), ещё пара женщин, которых подобрала Елена — всё смешалось в калейдоскоп лиц, имён, квартир, ресторанов, постелей. Я жил в режиме, который сам себе выстроил: утро — Светлана, день — спортзал, вечер — очередной выход. Между ними — метро, автобусы, пешие переходы, короткие перекусы в дешёвых столовых и редкие часы сна.

Деньги приходили. Я перестал считать копейки, впервые за долгое время купил нормальные продукты, оплатил коммуналку на полгода вперёд, даже отложил немного. Матери в Рязань отправил перевод с запиской: «Всё хорошо, работаю, скоро приеду». Она позвонила, плакала от радости, говорила, что всегда знала — я найду себя.

Я не стал её разубеждать.

В зеркало я смотрелся редко. Не потому, что боялся увидеть правду — просто некогда было. Но в тот вечер, перед выходом к новой клиентке, я задержался взглядом на своём отражении в мутном зеркале прихожей.

Двадцать восемь лет. Вроде бы молодой ещё. Но глаза — старые. Так мне казалось. В них было то, чего не должно быть в глазах человека, которому нет тридцати: тишина кладбища и холод наблюдательного пункта.

— Ничего, — сказал я отражению. — Прорвёмся.

Новая клиентка жила в башне «Москва-Сити», на пятьдесят третьем этаже. Елена предупредила: «Особая. Очень богатая, очень скупающая. Любит молодых, но быстро остывает. Твоя задача — продержаться хотя бы три встречи. Если пройдёшь тест-драйв, будешь в шоколаде».

Звали её, допустим, Жанна. Сорок два года, свой бизнес — что-то с недвижимостью, муж в Лондоне, дети в Швейцарии, она в Москве — одна в трёхсотметровых апартаментах с видом на всю столицу.

Она встретила меня в шёлковом халате, распахнутом ровно настолько, чтобы было видно дорогое бельё, но не более. Высокая, худая, с острыми коленками и острым взглядом. Брюнетка с короткой стрижкой, длинные серьги, пахнет деньгами и одиночеством.

— Раздевайся, — сказала она вместо приветствия.

Я разделся. Не спеша, глядя ей в глаза. Она изучала меня как скульптуру — холодно, профессионально, без намёка на желание. Подошла, обошла вокруг, коснулась пальцем шрама на бедре.

— Это откуда?

— Пуля.

— Воевал?

— Служил.

— Красиво, — она усмехнулась. — Шрамы украшают мужчину. Одевайся. Пойдём ужинать.

Я оделся. Мы пошли в ресторан на том же этаже — стеклянный куб, парящий над городом. Она заказала устриц и шампанское, говорила о бизнесе, о том, как ей надоело всё, о том, что муж трахает в Лондоне какую-то модель, а ей плевать. Я слушал, кивал, задавал вопросы.

Она была умна. Это подкупало. За её цинизмом и резкостью чувствовался живой ум, который задыхался в золотой клетке. Она не нуждалась в моём сочувствии — она нуждалась в собеседнике, который не боится её острот и не лебезит.

К концу ужина она сказала:

— Ты другой. Не такой, как остальные. Тебе сколько?

— Двадцать восемь.

— А выглядишь старше. Глаза старые. Что видел?

— Войну, — ответил я коротко. Она кивнула, будто это объясняло всё.

— Поехали ко мне.

В её спальне было темно, только огни города светили сквозь стеклянную стену. Москва лежала внизу, как на ладони, миллионы огней, миллионы жизней, а мы были здесь, наверху, в этой стеклянной коробке, где всё казалось ненастоящим.

Она раздела меня сама — медленно, смакуя каждое движение. Потом разделась, встала напротив, позволяя себя рассматривать. Тело у неё было тренированное, спортивное, с резкими линиями мышц — фитнес, йога, правильное питание. Но в глазах была та же пустота, что я видел у многих.

— Трогай, — сказала она.

Я шагнул к ней, положил ладони на её талию. Кожа была горячей, чуть влажной после душа, который она приняла перед моим приходом. Она закрыла глаза, откинула голову, позволяя мне вести.

Мои руки скользнули вверх, по рёбрам, к груди. Она была упругой, тяжёлой, с твёрдыми сосками, которые затвердели ещё до того, как я коснулся их. Я взял их в ладони, чувствуя, как под пальцами бьётся пульс. Жанна выдохнула, выгнулась, прижимаясь сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.